

Въ развитіи новѣйшихъ теченій отечественной музыки онъ сыгралъ замѣтную, а главное—оригинальную роль. И разсказать объ этой роли, несомнѣнно, займетъ видное мѣсто въ исторіи русскаго музыкальнаго искусства...

Еще задолго до расцвѣта французскихъ модернистовъ, Рихарда Штрауса и нашего Скрябина, В. И. Ребиковъ задумывался надъ изысканіемъ новыхъ музыкальных формъ, новыхъ гармоній, мелодическихъ оборотовъ.

Результатами этихъ размышленій явились: во-первыхъ, отрицаніе казенной музыкальной формы, какъ чего-то условнаго, обязательнаго, „его же не преидеши“. Во-вторыхъ, смѣлые, для того времени, приемы гармонизаціи: широкое употребленіе цѣлостонныхъ гармоній, параллельныя квинты, октавы, трезвучія, септаккорды.

Не забудьте, что тогда въ русской музыкѣ буйвально царилъ Чайковский. Римскаго-Корсакова, Мусоргскаго и ихъ товарищей знали плохо и относились къ нимъ неодобрительно.

Отсюда совершенно понятно, почему первыя же модернистическія сочиненія В. И. Ребикова вызвали цѣлый переполохъ въ средѣ жрецовъ искусства. Надъ ними смѣялись, ихъ презирали, ими возмущались. Кличка „декадентъ“ укрѣпилась за В. И. Ребиковымъ.

Но прошли года, и противники ребиковскихъ исканій съ изумленіемъ и ужасомъ увидѣли, что послѣдніе, самые свѣжіе побѣги музыки потянулись въ ту же сторону, гдѣ давно уже работалъ В. И. Ребиковъ.

Возьмите „цѣлостонницу“ новой французской школы, познакомьтесь со среднимъ періодомъ творчества Скрябина, просмотрите, наконецъ, молодыхъ русскихъ композиторовъ. Всюду вы найдете что-то родственное между музыкой Ребикова и новѣйшей музыкой.

Это родственное заключается, прежде всего, въ общемъ имъ завѣтѣ: „Пиши не такъ, какъ должно по правиламъ, а такъ, какъ чувствуешь“. А затѣмъ въ вытекающей отсюда полной свободѣ формъ, гармонизацій, модуляцій и т. п., и въ связанной съ этой свободой радости художественнаго творчества, не стѣсненнаго никакими условностями и преградами.

Итакъ, значеніе В. И. Ребикова въ томъ, что онъ угадалъ то направленіе русскаго, по которому должна была пойти музыка, и чуть ли не на 10—15 лѣтъ раньше всѣхъ

„Елка“.

(Опера Зимина).

Имя В. И. Ребикова мало извѣстно широкой публикѣ.

Да и въ музыкальных кружкахъ о немъ знаютъ больше „по наслышкѣ“, относятся въ нему несерьезно. Со снисходительной усмѣлочкой.

— Это, молъ, „декадентъ“

Между тѣмъ В. И. Ребиковъ, какъ композиторъ, представляетъ собою любопытнѣйшую фигуру. И при томъ фигуру характерную, своеобразную.

Имперіумъ 14 ноября 1912

вошелъ въ это русло.

Но, совершенно признавая его заслугу въ этомъ отношеніи, необходимо упомянуть и о томъ, что, войдя въ русло, В. П. Ребиковъ остановился на мѣстѣ и дальше не пошелъ.

Произошло это, вѣроятно, оттого, что самъ музыкальный талантъ В. П. Ребикова невеликъ. Въ немъ не заложены силы, способныя къ развитію, къ пышному расцвѣту.

Дѣйствительно, посмотрите сочиненія В. П. Ребикова, написанныя 10 лѣтъ тому назадъ, и сравните ихъ съ его же сочиненіями, вышедшими изъ печати минувшей весной. И въ тѣхъ, и въ другихъ одинаковыя настроенія, одинаковая манера письма, одни и тѣ же техническіе приемы композиціи. Разъ нашедши себя, В. П. Ребиковъ сталъ многократно повторяться, не двигаясь впередъ. Быть можетъ, поэтому онъ и не сдѣлался вождемъ и главой новаго теченія, такъ быстро и роскошно развившагося, а остался отъ него какъ-то до странности въ сторонѣ...

Нѣсколько словъ о композиторской техникѣ Ребикова.

Онъ не пишетъ крупныхъ произведеній. Его сфера—миниатюры: фортепианные пьесы, вокальные отрывки и сцены, небольшія оперы.

Техническіе приемы Ребикова довольно примитивны. Изобрѣта какое-нибудь диссоциирующее сочетаніе, онъ секвенцеобразно проводитъ его до новаго сочетанія, съ которымъ поступаетъ точно такимъ же образомъ. Любитъ всевозможные параллелизмы. Полифонія не признаетъ, считая ее чѣмъ-то идущимъ „отъ разума“, а не „отъ сердца“, и слѣдовательно она не можетъ имѣть мѣста въ его музыкѣ, написанной «по чувству», а не «по долгу». Инструментовка Ребикова характерна тѣмъ, что въ ней преобладаютъ звучности чистыхъ, не смѣшанныхъ тембровъ. Композиторъ по возможности избѣгаетъ удвоеній, допускаетъ ихъ только въ моментахъ подъема.

Давъ общую характеристику В. П. Ребикова, какъ музыканта, перехожу къ „Елкѣ“.

Это одно изъ самыхъ удачныхъ его произведеній.

Чрезвычайно простой сюжетъ оперы даетъ тѣмъ не менѣе композитору возможность всесторонне показать себя. И Ребиковъ такой возможностью хорошо пользуется.

Музыка „Елки“ съ начала до конца изящна, полна нѣжной, грустной поэзіи, мѣстами очень интересна. Гармонизована опера тон-

ко, остроумно. Инструментована прозрачно и съ достаточной красочностью.

Исполненіе оперы въ театрѣ Зимина вполне корректно.

Оркестръ, подъ управленіемъ г. Палицына, играетъ добросовѣстно. Укажу, впрочемъ, на нѣсколько затянутые темпы. Особенно это замѣтно въ танцахъ. Вальсъ и шествіе гномовъ слѣдовало бы взять значительно быстрее: и музыка выиграла бы и артисты балета.

Кстати о послѣднемъ. Во время вальса въ числѣ прочихъ танцующихъ на сценѣ кружилась крошечная дѣвочка. Она возбудила въ публикѣ и жалость и смѣхъ и тѣмъ самымъ отвлекла вниманіе отъ героини оперы. Подобныя приемы въ постановкѣ „Елки“, гдѣ все построено на деталяхъ, никакъ не могутъ быть одобрены.

Роль замерзающей дѣвочки умѣло передается г-жей Люце. Въ первой картинѣ, гдѣ собственно говоря и сосредоточена главная часть роли, артистка дала много удачныхъ моментовъ. Настроеніе было.

Очень хороши декорации г. Егорова. Въ особенности во второй и третьей картинахъ. Здѣсь безусловно найденъ нужный сказочно-мистическій стиль, любопытны краски, освѣщеніе. Чувствуется, впрочемъ, что-то родственное съ „Синей птицей“. Но это понятно. Декорации „Синей птицы“ принадлежатъ кисти того же г. Егорова.

Постановку „Елки“, какъ произведенія истинно художественнаго, можно только приветствовать, что и сдѣлала публика, хорошо принявшая оперу.

Замѣчу только, что ни въ какомъ случаѣ нельзя ставить „Елку“ въ одинъ вечеръ съ „Паяцами“. Въѣдъ это все равно, что изысканную пастель вѣшать рядомъ съ грубымъ лубкомъ. Или ѣсть бисквиты съ хлѣбомъ.

М. БАГРИНОВСКИЙ.

Русские сдѣланы 18 дек 19